

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ КАК НАУКИ-ПАРТНЕРЫ

ПАНЧЕНКО Павел Николаевич,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ, академик РАЕН, член РАЮН,
член Российской криминологической ассоциации,
заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Нижегородского филиала
Государственного университета «Высшая школа экономики»,
руководитель Секции по уголовно-правовым вопросам
Научно-консультативного совета при Нижегородском областном суде.
E-mail: panvest@mail.ru; сот. тел.: 8-910-108-01-71

Краткая аннотация: в статье анализируются вопросы статистики преступности, показываются особенности ее использования в уголовном праве и криминологии, раскрываются резервы пополнения уголовного права ресурсом криминологии, а криминологии – ресурсом уголовного права, аргументируется необходимость существенного обновления как той, так и другой науки, формулируются выводы относительно повышения их эффективности в условиях стабилизации в стране политической, экономической и социальной обстановки.

This article analyzes the issues of crime statistics, it's showing particular use in criminal law and criminology, disclosed reserves replenishment of criminal law, criminology and criminology resource – a resource of criminal law, argues the need for a substantial update as one and the other sciences, formulated conclusions on enhancing their effectiveness in the context of the stabilization of the country's political, economic and social situation.

Ключевые слова: статистика; преступность; уголовное право; криминология; резервы; ресурс; обновление; эффективность; стабилизация; обстановка.

Statistics; crime; criminal law; criminology; reserves; resource; update; efficiency; stabilization; the situation.

В системе правовых ресурсов криминологии уголовно-правовой ее ресурс занимает не просто важное, а, пожалуй, главное место. Не случайно ч. 1 ст. 2 УК РФ называет предупреждение преступлений в числе основных задач уголовного законодательства. Поэтому, ставя вопрос о том, какая криминология сегодня нужна стране, нельзя не задаваться и вопросом о том, а какое сегодня нужно стране уголовное право.

Если отвечать на такие вопросы в самых общих чертах, то надо сказать, что и криминология, и уголовное право в настоящее время нужны стране такими, какими они позволили бы ей основательно очиститься от преступности – во всяком случае, в такой мере, которая при существующем порядке вещей только и возможна. Благо для этого в настоящее время в стране складываются вроде бы подходящие условия, а именно налаживаются эконо-

номика и социальная сфера, реформируются органы внутренних дел, укрепляется политическая власть.

Как утверждает известный наш кинорежиссер, актер, писатель, политик, депутат Госдумы Станислав Говорухин – «первое, что делает сильная власть – побеждает преступность»¹.

И это действительно должно быть именно так. В конце концов, для чего же еще нужна сильная власть, если не для этого? Не для самой же себя. И тем более не для установления безраздельного контроля над оппозицией и обеспечения собственной несменяемости, не для демонстрации силы и игры мускулами при проведении внешней политики.

Но сказать это – означало бы вообще

¹ Гришин А. Станислав Говорухин: «Мой фильм «Так жить нельзя» принес больше вреда, чем пользы» // Комсомольская правда. 2011. 29 марта. С. 27.

ничего не сказать. Вникая в суть поставленных выше вопросов, зададимся вначале еще и вопросами такого рода: какая криминология сегодня нужна уголовному праву, и какое уголовное право нужно криминологии – раз судьба накрепко связала воедино эти науки.

Совершенно очевидно, что уголовному праву нужна криминология точная, достоверная, полная, систематизированная, а главное – с максимально большой практической отдачей. Многие годы статистика преступности, лежавшая в основе криминологии, мягко говоря, хромала. Ее данные были разрозненными, отрывочными, не точными, не полными, не систематизированными и порой далекими от реального положения дел в области уголовной политики. В декабре 2010 г. это дало повод Президенту РФ Д.А. Медведеву назвать статистику преступности «брехней» – может быть, это прозвучало не вполне парламентарно, но весьма точно и выразительно. С января 2012 г. статистика преступности по этой причине передается в ведение Генеральной прокуратуры РФ.

Надо прямо сказать, что руководствуясь произвольными цифрами, криминология только морочила всем головы, вводя в заблуждение, кстати, не только руководство страны, ученых и широкую общественность, но и те правоохранительные структуры, которые, опираясь на нее, должны были осуществлять практическую уголовную политику. Надо прямо сказать, что на самом деле криминологии как нужной стране науки до сих пор у нас не существовало. То, что подавалось под этим названием, не обладало необходимой практической полезностью. Студентам-юристам преподносился набор сведений, имевших мало чего общего с действительностью. Все издававшиеся и многократно переиздававшиеся у нас учебники по данной дисциплине должны стать теперь достоянием истории – как наглядный пример того, чего у нас в принципе не должно быть.

Страна, открывающая в настоящее время точную, достоверную, полную и систематизированную статистику преступности, безусловно, подберет честных и профессионально грамотных юристов, которые на основе теперь уже достаточно качественных сведений о состоянии преступности, ее причинах, лицах, со-

вершающих преступлениях и привлекаемых в связи с этим к уголовной ответственности, об уголовном преследовании и наказании таких лиц, а также об иных предпринимаемых в целях борьбы с преступностью мерах подскажут ей (стране), что же, в конце концов, надо делать для того, чтобы, с одной стороны, открыть широкий простор для правомерного поведения, а с другой – перекрыть преступности, как говорится, все «ходы и выходы».

Полагаем, что статистика преступности должна основываться на системе Особенной части УК РФ, осуществляться без пробелов и дублирований, причем с ежегодным достаточно широким опубликованием охватываемых ею сведений. Обязательно включение в нее всех имеющихся сведений об административных и других правонарушениях, которые обычно предшествуют в условиях безнаказанности преступлениям, о распространенности теневой экономики и коррупции во всех их криминальных проявлениях, безработицы (как и незанятости вообще) и бедности населения, тунеядства и противоправных источников существования тунеядцев, пьянства и алкоголизма, наркомании и проституции, заболеваемости венерическими болезнями и ВИЧ-инфекцией, психическими расстройствами, наконец.

В отдельных разделах статистического ежегодника преступности должна даваться характеристика преступлениям, совершаемым женщинами (в том числе проститутками), несовершеннолетними (в том числе безнадзорными и беспризорными), безработными, лицами, не имеющими легальных источников существования, сотрудниками правоохранительных органов (в том числе уволенными из этих органов, так сказать, «задним числом»), военнослужащими, чиновниками, управленческими работниками коммерческих и других организаций, осужденными, отбывающими различные наказания, лицами с непогашенной и не снятой судимостью, рецидивистами, участниками преступных групп, в том числе организованных. Необходимы сведения о совершении запрещенных уголовным законом деяний невменяемыми, а также детьми и подростками, не достигшими возраста, с которого допускается привлечение к уголовной ответственности.

Нужен в таком ежегоднике раздел о потерях от преступности, размерах ущербов от преступлений, о потерпевших. Требуется характеристика семей, «поставляющих» обществу преступность, поведения их членов, а также позиций очевидцев и свидетелей преступлений. Желательны также основные сведения о преступности в других странах – прежде всего, разумеется, развитых. Каждый такой ежегодник, как мы полагаем, должен завершаться аналитическим прогнозом преступности – на кратко-, средне- и долгосрочную перспективу. А начинаться он должен, следовательно, с того, как сбываются соответствующие ранее сделанные прогнозы.

Проект ежегодника о состоянии преступности (в целом по стране, по регионам – субъектам РФ и федеральным округам, а также по мегаполисам и другим, достаточно большим городам) желательно опубликовать для широкого обсуждения заинтересованной юридической общественностью, в том числе в Сети.

Учебники по криминологии должны готовиться с участием компетентных в области криминологии специалистов по уголовному праву. Эти специалисты, основательно набившие, как известно, руку на точных положениях, помогут основным авторам учебников выработать своеобразные «клише» относительно главных криминологических параметров, которых надо придерживаться при освещении различных проблем преступности, в том числе касающихся, в частности, состояния, структуры и динамики преступности, мер борьбы с ней, типизированных признаков лиц, совершающих соответствующие виды преступлений, эффективности предпринимаемых мер. Специалисты в области уголовного права подскажут криминологам и все то, что касается уголовно-правового содержания анализируемых преступлений, предостерегут их от «шелухи», которая все еще переполняет криминологические тексты, в том числе предназначенные для обучения будущих юристов.

С другой стороны, криминологии способны помочь специалистам в области уголовного права раскрыть в учебной литературе по данной дисциплине вопросы, касающиеся общественной опасности анализируемых престу-

плений, их распространенности, частоте, силе и эффективности уголовно-правового реагирования на них, их причин, лиц, их совершающих, соответствующих предупредительных мер и т.д. Криминологи могли бы помочь специалистам в области уголовного права правильнее «нащупать» нормы с двойной превенцией, показать направления их применения, обнаружить в правоприменении типичные проявления обвинительного и оправдательного уклонов, наметить эффективные меры преодоления таких уклонов. Без всего этого учебная литература по уголовному праву останется сухой, не выразительной, во многом будет и дальше отдавать схоластикой, а главное – она в таком виде будет никому не нужна, так как практически останется столь же бесполезной, как и была ранее.

Научные исследования по проблемам криминологии (особенно диссертационные) тоже должны сопровождаться соответствующей уголовно-правовой «начинкой» (пусть небольшой, но весьма отчетливой, точной, конкретной), как и уголовно-правовые исследования – каким-то минимальным криминологическим содержанием. Нельзя рассуждать, например, о причинах тех или иных преступлений, не зная их уголовно-правовой сути, общественной опасности, характеризующих ее признаков и т.д., как равно невозможно судить и о самих преступлениях, не имея достаточно четкого представления об их распространенности, типичных проявлениях, лицах, их совершающих и т.д. Конечно, здесь неизбежны определенные дублирования, но от подобной «конкуренции» криминология и уголовное право только выиграют. Здесь, как раз тот случай, когда, как говорится, каши маслом не испортишь. Пограничная линия, разделяющая сферы «компетенции» той и другой науки, должна быть проведена с учетом того, что криминология – это, если говорить кратко, есть наука о преступности, а уголовное право – наука о преступлениях.

Издавна известно, что предупредительная сила уголовного закона определяется не столько его строгостью, сколько его неотвратимостью. Является аксиомой то, что если *есть* уголовно-правовое реагирование, то предупредительная сила его срабатывает, а если такого реагирования *нет*, то это само по себе может

подтолкнуть виновное лицо к совершению нового преступления. Мы отдаем себе отчет в том, что подобные рассуждения – слишком прямолинейные. В мире, пожалуй, не найдется человека (если, конечно, он не сам Христос), который хотя бы раз в жизни не совершил бы какого-либо преступления – или, по крайней мере, не подходил бы к его совершению настолько близко, что буквально на себе испытывал бы, образно говоря, холодное дыхание уголовного закона. А заодно – и всего, что с ним может быть связано. Но как мы обычно рассуждаем в случаях, когда по какой-то счастливой случайности проходим мимо уголовного закона, а он – мимо нас? В рубашке родился, бог помог, да никогда впредь ничего такого не повторится и т.д. То есть уголовно-правового реагирования нет, но ты все же вроде бы спасен. Если не от «сумы», то, во всяком случае, от «тюрьмы», от которой, если верить известной народной мудрости, зарекаться, вроде бы, у нас пока еще не положено. А если случай совсем счастливый, то – и от преступления, которое, может быть, было совсем рядом, но... ситуация разрядилась, рассосалась, проехало, или, как мы еще обычно говорим в таких случаях, пронесло.

Между тем, такого принципа, как неотвратимость ответственности, сегодня в уголовном праве не существует – ни формально, ни в смысле последовательной его реализации в правоохранительной практике. И дело здесь заключается не только в том, что, например, до половины всех краж (сегодня это – наиболее распространенный вид преступлений) не раскрывается, но еще и в том, что действующее уголовное законодательство предусматривает многочисленные основания освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания – особенно в отношении преступлений небольшой и средней тяжести. Такие основания есть проявление не только гуманизма уголовной политики, но и ее практической целесообразности. Нельзя провинившегося человека «терзать и мучить» – тем более, как говорится, «по полной программе», если он и без этого может выйти в жизни на правильную дорогу.

Но уголовно-правовое реагирование в каких-то минимально болезненных для винов-

ного формах и видах все же должно состояться – например, в виде разъяснения виновному лицу правовой сути совершенного деяния, нравоучительной беседы, предупреждения о возможных негативных последствиях повторного совершения запрещенного уголовным законом деяния. Поэтому, полагаем, есть смысл дополнить УК РФ ст. 7.1, которая устанавливала бы *принцип неотвратимости уголовно-правового реагирования*. Уместным было бы, на наш взгляд, указать в ней на то, что компетентные государственные органы и органы местного самоуправления, опираясь на все другие органы, учреждения, организации, а также на граждан, должны использовать все предусмотренные законом силы и средства для профилактики, предупреждения и предотвращения преступлений, а в случае обнаружения совершения преступления – на его выявление и расследование, а также на установление лица, его совершившего, на привлечение его к уголовной ответственности и наказание, а при наличии какого-либо из оснований освобождения такого лица от уголовной ответственности и (или) наказания – на разъяснение ему правового и социального содержания совершенного деяния, его возможных негативных последствий, в том числе для данного лица, если оно повторно совершит какое-либо запрещенное уголовным законом деяние.

Какая же криминология нужна стране? Существует давнее предание. Когда в свое время известного автомобильного промышленника Генри Форда спросили о том, какая самая лучшая в мире машина, он, не задумываясь, ответил на этот несколько провокационный вопрос (разве мог основатель автомобильной промышленности назвать лучшей какой-либо другой автомобиль, кроме – марки Ford) хотя и уклончиво, но достаточно точно: «Новая!». Точно так же можно ответить и на вопрос о том, какая сегодня стране нужна криминология. Конечно же, новая. И не просто новая, а принципиально новая. Если говорить кратко, то это должна быть честная, смелая и сильная наука о преступности и мерах борьбы с ней.

Честной она будет в том случае, если избавит себя от забот по приукрашиванию положения дел с преступностью, если создаст научно обоснованные федеральную, региональ-

ные и местные программы наступления на преступность, если предложит действенную систему мер по контролю за выполнением всех этих программ. Конечно же, если в итоге добьется соответствующих заметных позитивных результатов.

Смелость новой криминологии будет заключаться в том, если она, активно сотрудничая с властью, подскажет ей, вместе с тем, что из советов директоров компаний, работающих в конкурентной среде, надо выводить не только министров и других высокопоставленных федеральных государственных служащих, но и чиновников ниже рангом, вплоть до служащих регионального и местного уровней, так как иначе не будут нормально работать не только антикриминальные программы, но и любые положительные усилия вообще. Коррупция все сведет на нет, и преступность будет продолжаться и дальше показывать нам свои звериные зубы. Движение вперед станет невозможным. Не надо быть мудрецом, чтобы предвидеть – то же самое произойдет и в случае замены высокопоставленных чиновников в руководящих структурах субъектов экономической деятельности так называемыми «резервистами» – функционерами «Единой России». Как говорят по подобным поводам в народе, хрен редьки не слаще.

Сила новой криминологии будет заключаться в ее практической эффективности. Но для этого потребуются кардинально обновить все наше уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство. И одновременно подготовить *официальные* его комментарии – наряду с подробными сборниками постановочных материалов к основным законам о борьбе с преступностью.

Начинать эту работу надо с обновления Конституции РФ, которая к настоящему времени настолько отстала от жизни, что ее, как заявил в эфире один из радиослушателей из Екатеринбурга (16-летний школьник), «впору продавать в разделе «Сказки»¹. Конечно, это не тот случай, когда можно было бы сказать, что «устаи младенца глаголет истина», но... все же.

В ч. 1 и 2 ст. 49 Конституции РФ (и в УПК РФ тоже) необходимо, с нашей точки зрения, в соответствии с принципом презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ) отказаться (в соответствующих случаях) от использования термина «обвиняемый», заменив его словами «подследственный», «лицо, в отношении которого проводится дознание», «подследственный, а также лицо, в отношении которого проводится дознание», «подследственный или лицо, в отношении которого проводится дознание». Почему? Да потому что, например, в ч. 1 ст. 49 Конституции РФ утверждается, что «*обвиняемый* в совершении преступления считается *невиновным* (курсивы наши. – П.П.), пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Но если лицо считается *невиновным*, то, спрашивается, почему же тогда оно называется *обвиняемым*? А не, скажем, тем же подследственным или лицом, в отношении которого проводится дознание. По той же причине следует признать безосновательными и такие наименования соответствующих уголовно-процессуальных документов, как «*обвинительное заключение*» и «*обвинительный акт*» (соответственно ст. 220 и 225 УПК РФ). Конечно же, более правильным было бы называть их соответственно «следственным актом» и «актом дознания». Неправильность использования термина «обвиняемый» в цитируемом выше конституционном положении (как, впрочем, и в ч. 2 ст. 49 Конституции РФ) осознавалась, как мы полагаем, и самими составителями проекта Конституции РФ, так как они в ч. 3 ст. 49 Конституции РФ, устанавливающей, что «неустраняемые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого», заменили его термином «лицо».

Вызывает сомнение и правильность самой содержащейся в ч. 1 ст. 49 Конституции РФ фразы, указывающей на то, что лицо «*считается* невиновным (курсив наш. – П.П.), пока его виновность не будет доказана...». Получается так, что невиновное лицо лишь *считается* невиновным, а в действительности оно, якобы, все же виновно. Данная конституционная норма должна быть более определенной, а именно, на наш взгляд, такой: «Каждый подследственный,

¹ Дымарский В. От шестнадцати и старше // Росс. газ. 2011. 31 марта. С. 3.

а также каждое лицо, в отношении которого проводится дознание, является невиновным...» (далее — по тексту).

В ч. 2 ст. 49 Конституции РФ утверждается, что «обвиняемый (снова «обвиняемый». — П.П.) не обязан доказывать свою невиновность». Но если он — именно «обвиняемый», да к тому же *лишенный обязанности* (а следовательно, в определенной мере и *возможности*) доказывать свою невиновность, то кто же тогда будет за него это делать? Адвокат? Но степень активности адвоката в доказывании невиновности невиновного лица *тоже* напрямую зависит от суммы вознаграждения, а средств на это вознаграждение у «обвиняемого» может и не быть. Отсутствие же достаточной активности «обвиняемого» в доказывании своей невиновности может к тому же восприниматься следствием как «молчаливое» признание им своей вины, а это, как говорят в народе — «прямой путь в тюрьму». Таким образом, рассматриваемая конституционная норма представляет собой своеобразную «мышеловку», поскольку она, с одной стороны, как бы говорит лицу: «Тебе не надо доказывать свою невиновность — ведь ты и так считаешься невиновным», но с другой — используя неактивную защиту лицом своей невиновности, по существу «прижимает его к стенке».

Конечно «обвиняемый» и «виновный» — это разные вещи. И, тем не менее, если нет соответствующего вступившего в законную силу обвинительного приговора суда, то никто (и, в первую очередь, следовательно, дознаватель, прокурор, а тем более — сам закон) не вправе обвинять лицо, в том, что оно совершило уголовно-противоправное деяние, то есть преступление. Как мы полагаем, в Уголовном кодексе должна быть статья об ответственности за обвинение лица в совершении преступления, если в отношении его нет вступившего в законную силу обвинительного приговора суда, или если такой приговор и есть, но назначенное по нему наказание лицо уже отбыло или оно освобождено от его отбывания по предусмотренному законом основанию.

С учетом отмеченного ч. 2 ст. 49 Конституции РФ предлагается изложить в такой редакции: «Так как подследственный, а также

лицо, в отношении которого проводится дознание, является до вступления обвинительного приговора суда в силу невиновным, то оно в принципе может и не доказывать свою невиновность, если это, разумеется, не снижает прочности его защитительной позиции. Но в условиях возможных несовершенств уголовно-процессуальных процедур лицо обязано использовать все предусмотренные законом средства, методы и возможности для доказывания своей невиновности — вплоть до обращения в самые высокие инстанции, включая институты гражданского общества и соответствующие международные организации. Если такое лицо, а равно лицо, осужденное к наказанию, при отсутствии достаточных доказательств его виновности, скрылось от следствия или суда, то оно не подлежит за это какой-либо ответственности. При этом, ему в полном объеме возмещается причиненный незаконным уголовным преследованием материальный ущерб и в полном объеме компенсируется причиненный уголовным преследованием моральный вред».

Не вполне корректно сформулирована в Конституции РФ и ч. 3 ст. 49, в которой указывается: «Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого». Что значит... «...толкуются в пользу обвиняемого»? Такого рода сомнения четко и недвусмысленно должны означать лишь одно — лицо невиновно. Именно так и должна звучать рассматриваемая конституционная норма. Ее полное текстуальное выражение может быть, на наш взгляд, таким: «Неустранимые сомнения в виновности лица означают, что оно невиновно, так как недоказанная его виновность есть доказанная его невиновность».

В число принципов уголовного судопроизводства (глава 2 УПК РФ) целесообразно включить требование справедливости уголовного судопроизводства, предполагающее, в частности, недопустимость при осуществлении любой уголовно-процессуальной деятельности нарушения норм морали и нравственности. Статью 6 УПК РФ (назначение уголовного судопроизводства) необходимо преобразовать в статью о принципе защиты уголовным судопроизводством прав и законных интересов граждан, законных интересов организаций, общества и госу-

дарства от преступлений. Соответственно должны быть изменены и формулировки этой статьи. В частности, ее ч. 3 следует сформулировать с акцентом на том, что каждое виновное в совершении преступления лицо должно быть подвергнуто предусмотренному законом уголовному преследованию и наказанию (если, разумеется, отсутствуют предусмотренные законом основания освобождения от уголовного преследования и/или наказания) и ни один невиновный не должен быть подвергнут уголовному преследованию и наказанию. В этой же уголовно-процессуальной статье, а также в других нормах УПК РФ необходимо указать на обязанность органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, устанавливать причины преступлений и принимать меры к их устранению, а, следовательно, и к снижению к минимуму их криминогенного проявления.

Со всей очевидностью назрела необходимость дополнения уголовно-исполнительного законодательства положениями, в соответствии с которыми каждому осужденному к лишению свободы лицу предоставлялась бы возможность реализовать свое конституционное право на труд, причем в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены – с пра-

вом, естественно, на достойное вознаграждение (ч. 3 ст. 37 Конституции РФ), а также право на образование, в том числе профессиональное – как среднее, так и высшее. Осужденным, имеющим значительные успехи в работе и/или учебе, должны предоставляться улучшенные условия содержания, в том числе касающиеся возможности находиться в одиночных камерах (временно или постоянно – по их желанию). Им должны предоставляться необходимая литература, компьютерная техника (с доступом в Интернет), письменные принадлежности, другие запрашиваемые вещи.

В новых условиях понадобится, разумеется, и принципиально новая учебная литература по уголовному праву и всем смежным с ним дисциплинам. В отношении учебников и учебных пособий по данным дисциплинам надо разработать разумные стандарты, иначе все они окончательно превратятся в сплошную игру слов, не имеющую никакого отношения к задачам подготовки в стране юристов высшей квалификации. Борьба с преступностью – это настолько важное дело, что им могут заниматься только люди, подготовленные по совершенно новой, а именно по настоящему инновационной учебной литературе.